

Соцсказка вместо соцреализма

В Северной Корее все как в кино

Михаил Трофименков |

ЖАН БОДРИЙЯР НАЗВАЛ США

огромным экраном, на который мир проецирует свои мечты. Он ошибался. Страна-экран — это КНДР. И это не метафора

Номенклатурные беглецы на Запад рассказывают много ужасов о КНДР. Но их обязывает положение: они говорили бы то же самое, даже если бы Маршал Могучей Республики, Залог Освобождения Человечества, Железный Всепобеждающий Полководец, Дорогой Бессмертный Вождь, пусть он даже умер в 1994 году, президент КНДР Ким Ир Сен построил рай на земле. Почему бы и нет? Коммунизм растворился здесь в мистическом тумане.

Говорят, что при рождении Ким Чен Ира треснул с неслыханным звуком горный ледник и воспарила небывалая двойная радуга. А в четыре года он опрокинул чернила на карту — назавтра цунами снесло залитые ими районы Японии. В конце концов провозглашенная 28 декабря 1955 года идея чучхе лишь примерно означает опору на собственные силы, восходя по сути к дебрям конфуцианства.

На транспарантах здесь не три-четыре классика марксизма, а Чен с родителями — Иром и Ким Чен Сук, которая «под градом вражеских пуль и снарядов и на стоянках, куда норовят влезть коварные враги, буквально став щитом, надежно охраняла Великого Вождя».

На картинах она садит по японцам помакедонски — из двух маузеров, знакомых нам по фильму «Мы из Кронштадта». Но странные какие-то эти полотна. В 1950-х корейцы учились в СССР и честно старались соответствовать: выходила карикатура вроде главной оперы КНДР с мелодичным названием «Реки крови». Потом оперлись на свои силы и плюнули на соцреализм. Их картины, их мозаики — лубок или возврат к национальной традиции (розовые деревья, голубые горы, желтые травы). Очень красиво, но почему-то очень тревожно.

Когда речь идет о КНДР, ни в чем нельзя быть уверенным. Почему в 1930-х сразу несколько партизанскими отрядами командовали люди по имени Ким Ир Сен? Почему, когда он в 1945 году вернулся из СССР на родину, упорно шептались: не он, подменили, слишком молод. Был ли он советским майором? Где и когда родился Чен? Какое кино снимают в КНДР? А много его снимают? Что там вообще творится?

Жан Бодрийяр назвал США огромным экраном, на который мир проецирует свои

мечты. Он ошибался. Страна-экран — это КНДР. И это не метафора.

Чен не просто вождь-киноман, не просто хозяин уникальной коллекции фильмов на пленке, таящей, как знать, утерянные шедевры, например «Бежин луг» Эйзенштейна. Он автор учебника, досконально расписывающего, как снять правильный фильм. Он продюсер, по сравнению с которым магнаты Голливуда — лохи. Если режиссер или актер скажет им «нет», они бессильны перед ним. Чен не знает слова «нет», потому что ни о чем не спрашивает.

В 1985 году его агенты — он курировал то ли МИД, то ли КГБ — похитили знаменитейшего южнокорейского режиссера Чин Санг Ока и его жену-звезду. Только для того, чтобы те снимали фильмы не на прогнившем юге, а в северном раю, где воплотят любой их каприз. Снял пять фильмов, они воспользовались поездкой в Вену, чтобы сбежать обратно. Самое загадочное в этой истории: зачем их отпускали из рая на кинофестивали?

Прежде всего, Чен — режиссер своей страны, кажущейся гигантской иллюзией, красным «шоу Трумэна».

Иногда он снимает сексуальную утопию, по сравнению с которой мусульманский рай — монастырь. Тогда на каждом перекрестке жонглируют жезлами по четыре регулировщицы-модели. Маршируют с саблями, задрав ноги на вертикальный шпагат, столь же модельные военнослужащие.

Иногда — action, от которого холодным потом умылся бы сам Бонд. Тогда 32 богатыря, как из-под земли возникнув, штурмуют (1968) Голубой дом — резиденцию южнокорейского президента, а бомба, заложенная девушкой Ким Хьун Хи, разносит вражеский самолет над Андаманским морем (1987).

А иногда его камера просто отдыхает и вхолостую снимает такие прекрасные и такие пугающие панорамы Пхеньяна.

НЕДАВНО выяснилось, что в Северной Корее живет и здравствует GI, бежавший с империалистического юга в начале 1960-х, возможно, и не один. Он избежал волчьих ям заповедной зоны объединенной безопасности между двумя Кореями, не обзвезд от пропаганды, извергаемой — с обеих ее сторон — громкоговорителями. Он ни о чем не жалеет, мало рассказывает. Так запуган? Так счастлив? Или прошедшие зону утрачивают общий язык с землянами? Или он разуверился в реальности мира?

Разувериться в ней можно, просто рассмотрев фотографии Пхеньяна. Широкие улицы. Бьющие из реки фонтаны. Сады в цвету. Исполинские монументы, часто — всадники на вздыбленных конях. Отели: один — 47-этажный с вертолетной площадкой и шикарным рестораном на крыше, другой — 120-этажный, недостроенный. И никого. Ни автомобилей, ни пешеходов. А в отелях — дюжина туристов, затерявшихся в коридорах и опочивальнях.

